

Сов. Кинотека - V  
1989 - 21 марта - с. 3

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ** лента  
А. Сокурова «Московская элегия», снятая на ЦСДФ и приобретенная объединением «Видеофильм», почти идеально соответствует жанру, заявленному в названии картины: в ней зримо живут грусть, разочарование, одиночество. Андрей Тарковский с первого и до последнего кадра идет к своей безвременной смерти на чужбине. Его лицо — трагическая маска, улыбка — рана.

Сокурову близко мироощущение А. Тарковского, который неустанно творил собственный художественный язык: соединял краски и звуки, использовал методику поэтической ассоциации.

## ЭЛЕГИЯ ПАМЯТИ ТАРКОВСКОГО

Автор, можно почувствовать, считает себя наследником дела учителя. Картина снята размашисто, «звезда» говорит о «звезде». Однако здесь, думается, и есть некоторое противоречие. Действительно, в своей предпоследней работе Тарковский утверждал, что по-русски «ностальгия» — значит смертельная болезнь. И Сокуров использует почти исключительно кадры из этого фильма. Но причина трагедии Тарковского безусловно гораздо шире раздела с бюрократией от культуры или даже разлуки с родиной.

Когда Тарковский и его друг Тонино Гуэрра искали натуру для «Ностальгии», они сняли фильм о своем путешествии по Италии и назвали его «Путешествие внутри себя». Несомненно, Тарковский тяжело страдал от жестокости и уродства, которые видел вокруг, но они не исчерпывают пройденного им пути. Боль не может служить единственным источником вдохновения. Большой художник всегда живет, сопротивляясь своей эпохе, стремясь противопоставить сиюминутному вечное. И каждый ищет неповторимый путь к вечной гармонии.

Испытывая тяготение к поэзии отца, проникнутой элегическим ощущением бренности бытия, творческий темперамент Андрея Тарковского отталкивался от ее горней холодности, погружался в земную боль и порой не мог отойти от своего предмета на нужную дистанцию, а поднявшись над ним, видел вокруг лишь тлен и мечтал снять «Гамлета».

Большой удачей представляется, что в картине использованы юношеская фотография и кадры из «Заставы Ильича».

Андрей Тарковский в фильме «Московская элегия» — автор «Ностальгии», но не «Андрея Рублева». Картина А. Сокурова — московская, русская элегия — плач по Тарковскому, герою «Ностальгии». В ней собраны осколки жизни сгоревшего таланта. «Страсти по Андрею» остаются тайной. Еще слишком свежа рана.

Т. РОТЕНБЕРГ.